

**ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСУГА
В ОБЩЕСТВЕННОМ БЫТУ ОСЕТИНСКИХ КРЕСТЬЯН
В XIX — НАЧАЛЕ XX В.**

Изучение общественного быта народов в последние годы стало одним из важных направлений советской этнографической науки. Однако отдельные стороны этой сферы бытовой культуры, в частности досуг и формы его проведения, все еще недостаточно исследуются¹.

В специальной литературе досуг понимается как составная часть непроизводственной жизнедеятельности, в том числе общественного и семейного быта². Однако в таком определении, как верно отмечают Н. А. Миненко и Ю. Д. Анчабадзе³, содержится некоторая доля условности, так как досуг и труд далеко не всегда можно четко отделить друг от друга; нередко они тесно переплетаются, составляя органическое целое. В данной статье автор, используя этнографические материалы⁴, ограничивает свою задачу рассмотрением традиционных форм проведения досуга лишь в одной сфере — в общественном быту осетин, т. е. в системе народного управления, в некоторых важнейших обычаях общественного быта (взаимопомощь, гостеприимство), в народных праздниках. В данной статье рассматриваются также особенности проведения досуга, имевшие место в разных половозрастных группах.

В конце XIX — начале XX в. в общественном быту осетин, несмотря на развитие на Северном Кавказе в пореформенное время капиталистических отношений, сохранялись и полноценно функционировали многие институты патриархально-родового строя. Тесно связанные со всеми сторонами жизни осетинского крестьянства, эти традиционные институты оказывали немалое влияние и на формы проведения досуга, что подтверждается и имеющимися в нашем распоряжении материалами.

Большое значение в жизни осетинской сельской общины в рассматриваемый период имели сельские собрания — *нихасы* (досл. — слово, беседа, речь; так же называлось и место, где проходили собрания⁵), в которых участвовали взрослые мужчины — члены общины. Нихас обычно собирался под открытым небом, как правило, в центре села, в удобном для многочисленных собраний месте. Некоторые исследователи отмечали наличие у осетин в прошлом и крытых нихасов. П. Уварова, например, писала: «Проезжая аулом, замечаем плетеный навес, покоящийся на столбах. Под навесом местные жители... Это местный осетинский клуб или нихас»⁶. Помимо общесельского нихаса (*сайраг нихас*) существовали квартальные нихасы (*сыхы нихас*). Круг вопросов, обсуждавшихся на нихасе, этом, по словам И. Д. Канукова, «форуме аула»⁷, был чрез-

¹ В то же время в социологической и философской литературе проблемы свободного времени и досуга разрабатываются весьма активно. См., например: Грушин Б. А. Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972; Болгов В. И. Бюджет времени при социализме. М.: Наука, 1973; Пименова В. Н. Свободное время в социалистическом обществе. М.: Наука, 1974; Бюджет времени сельского населения/Отв. ред. Патрушев В. Д. М.: Наука, 1979.

² Досуг — это часть вне рабочего времени, которая остается у человека после исполнения им обязательных производственных обязанностей (например, передвижение на работу и с работы, сон, прием пищи и т. п.).

³ Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. — Сов. этнография, 1979, № 6, с. 31; Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX — начале XX в. — Сов. этнография, 1981, № 4, с. 108.

⁴ В основу статьи положены полевые материалы, собранные автором во время экспедиционных поездок 1975—1979 гг. в осетинские селения всех географических зон Северной Осетии (горной, предгорной и равнинной), а также сведения, имеющиеся в дореволюционной кавказоведческой литературе.

⁵ См. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. Л.: Наука, 1973, с. 219.

⁶ Уварова П. С. Путевые заметки. Ч. 1. М., 1887, с. 30—31.

⁷ Кануков И. В осетинском ауле. — В кн.: Сб. сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). В. 8. Тифлис, 1875, с. 14.

вычайно широк и касался всех сторон жизни как селения в целом, так и отдельных его жителей. Однако нихас представлял собой не только традиционный институт общественного управления осетинской общины, но и своеобразную форму проведения досуга взрослыми мужчинами села. «На нихасе, — писал З. Ванети, — обычно проводят свободное время члены общины (разумеется, мужчины). Если нет вопросов, требующих разрешения, то нихас служит для развлечения частной беседой. Это своего рода клуб под открытым небом»⁸. В мусульманских селениях⁹ мужчины собирались в свободное время не только на нихасе, но и во дворах мечетей, которые также представляли собой своеобразные «мужские дома». Часто здесь же решались и общинные вопросы.

Многие осетинские просветители писали о значении нихаса в общественной жизни осетин, называя его своеобразной горской школой. На нихасе, по словам М. Гуриева, присутствующие находили пищу для развития ума, языка, ловкости. При тогдашней горской действительности, когда в большинстве селений не было ни школ, ни клубов, когда почти никто не умел читать, нихас был лучшим местом для практического развития языка. Слушая лучших ораторов, стариков — рассказчиков преданий старины, присутствующие на нихасе накапливали богатый запас слов, красивых оборотов, воспринимали своеобразное мышление и взгляд на мироздание. Здесь исполнялись различные обрядовые и другие песни под аккомпанемент двухструнного фандыра. Около нихаса находилась кузня, где молодые люди наблюдали за работой, а иной раз принимали в ней непосредственное участие¹⁰. Сюда же, на нихас, часто приносили для ремонта мелкий сельскохозяйственный инвентарь. Здесь устраивались своеобразные соревнования в работе на кожемялке, по ковке железа, переноске тяжестей и т. п., в которых мог принять участие каждый из присутствующих. В дни общесельских торжеств и празднеств нихасы становились местом проведения общественных пиров, выступлений народных певцов-сказителей, проведения состязаний молодежи в национальных видах спорта.

Созданные на Кавказе в пореформенное время царским правительством органы общинного управления в значительной мере заменили его традиционные формы. Роль нихасов, например, стали выполнять сельские правления. По традиции около них собирались мужчины селения в свободное от сельскохозяйственных работ время. Они собирались на площади у сельского правления (в непогоду и жару в самом помещении) и проводили время за различного рода беседами.

На нихасах, во дворах мечетей и сельских правлений, в кунацких, о которых речь пойдет дальше, часто проходили встречи-беседы с приезжавшими в селение гостями, с земляками — участниками войн: русско-турецкой 1877—1878 гг., русско-японской 1904—1905 гг., первой мировой, — с земляками, живущими вне родного селения, и т. д. Частым гостем на нихасе был сельский учитель — как правило, единственный образованный человек в селении. Подобные встречи в какой-то мере расширяли кругозор осетинских крестьян, в большинстве своем никогда не выезжавших за пределы родного края, знакомили их с новыми для них формами жизненного уклада.

Некоторые элементы досуга осетинских крестьян связаны с обычаем взаимопомощи (*зиу*), осуществлявшимся в самых различных жизненных ситуациях — во время сельскохозяйственных работ, при постройке дома, мельницы, ограды и т. п. Обычно в *зиу* участвовали не только родственники, но также соседи, друзья, односельчане. «Помещение строится... не им одним (хозяином — А. Д.), — отмечал С. Кокиев, — а по возможности и при участии всех членов семейства, приятелей и друзей, охотно

⁸ Ванети З. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин. — Изв. Осетинского НИИ краеведения. В. 2. Владикавказ, 1926, с. 412.

⁹ Осетины-мусульмане в Северной Осетии в конце XIX — начале XX в. составляли около четверти всего населения.

¹⁰ См. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974, с. 226—227.

принимающих участие в этих случаях»¹¹. В конце XIX — начале XX в. трудовая взаимопомощь уже не была строго обязательной: в ней принимали участие обычно свободные от различных работ у себя в хозяйстве соседи и односельчане. Обычай зиу можно в значительной степени считать своеобразной формой проведения досуга, особенно на заключительном его этапе. Это, в частности, подчеркивал З. Ванети, писавший, что «зиу скорее напоминает торжественный праздник, чем утомительную работу, в нем польза коллективной работы счастливо сочетается с чрезвычайной радостным настроением его участников»¹².

Обычай взаимопомощи, собиравший множество участников и проходивший очень весело, заканчивался обильным угощением (*зиу уатта*), которое устраивал хозяин, пригласивший односельчан на зиу; порой угощение организовывали вкладчину сами участники зиу. Застолье сопровождалось песнями, танцами, играми молодежи, иногда пением народных певцов-сказителей.

Большую роль в общественном быту осетин, как и других народов Кавказа, играл обычай гостеприимства. Прибытие гостя было важным и приятным событием не только для семьи, принимавшей его, но и для всего селения в целом. «Гость — божий гость», — говорит осетинская пословица. «И действительно, — писал К. Хетагуров, — при наших путях сообщения и всеместном разбое попасть из одного ущелья в другое — равносильно явлению с небес»¹³. Весть о приезде гостя быстро распространялась по селению, и дом, где останавливался он, наполнялся народом. Родственники и односельчане хозяина считали своим долгом не только приветствовать гостя, но и участвовать в его приеме. Для приехавшего обязательно устраивали обильное угощение. Свято следуя закону гостеприимства, хозяин по этому случаю часто резал даже последнюю скотину. Пиршество, связанное с приездом гостя, вносило некоторое разнообразие в обычно скромное повседневное меню осетинского крестьянина. Осетинская пословица: «По поводу гостя хозяин и сам угощается» как нельзя лучше отражает эту особенность быта. Застолье сопровождалось беседой, пением, танцами, иногда состязаниями подростков и молодежи в национальных видах спорта. Участие односельчан в приеме гостя не считалось обязательным и представляло своеобразную форму приятного времяпрепровождения мужчин данного селения.

Большую роль в общественной жизни дореволюционных осетин играл дом для гостей (*узагдон*), в кавказоведческой литературе получивший название *кунацкой* (от тюркского *конак* — друг, приятель). В конце XIX в. узагдон как специальное помещение для гостей уже не встречалось. В это время в каждом доме кунцкой служила либо мужская половина дома (*лагты хай*), либо отдельная комната, носившая традиционное название узагдон. Когда не было гостей, узагдон использовался как место общественного сбора мужчин, заменяя им в непогоду и в осенне-зимний период нихас. «Здесь, — отмечала С. Анисимова, — хозяин с друзьями и знакомыми коротает длинные зимние вечера в рассказах о старых набегах, в передаче горных сказаний и охотничьих приключений»¹⁴. Узагдон часто посещала сельская молодежь для различных бесед, пения, танцев. Верную характеристику кунцкой дал М. О. Косвен: «Она (кунцкая. — А. Д.) выступает вовсе не как гостевая в первую очередь, а как помещение для мужчин, в частности неженатой молодежи. И возможно, что в своей самой архаической форме так называемые „кунцкие“ представляют собой то, что хорошо известно этнографии под названием „мужского дома“ или „клуба молодежи“, или „клуба холостяков“»¹⁵.

¹¹ Кокиев С. Заметки о быте осетин. — В кн.: Материалы по этнографии при Дашковском этнографическом музее. В. I. М., 1885, с. 77.

¹² Ванети З. Указ. раб., с. 407; см. также Магомедов А. Х. Указ. раб., с. 214.

¹³ Хетагуров К. Особа. Этнографический очерк. — Собр. соч. в 5 томах. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 357.

¹⁴ Анисимова С. Кавказ. Спб., 1906, с. 80.

¹⁵ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 128.

Одной из интересных форм проведения досуга осетинским крестьянством было посещение больного или раненого (*рынчинфарсаг*). Касаясь в своем этнографическом очерке «Особа» этого обычая, К. Хетагуров писал: «Тяжело больного знакомые и родственники не оставляют ни днем, ни ночью. По ночам дежурит главным образом молодежь. Чтобы отвлечь больного от мысли о болезни, они стараются быть веселыми, рассказывают сказки, играют на осетинском фандыре — небольшой двенадцатиструнной арфе, и под аккомпанемент распевают легенды о нартах, даредзанах и других мифических героях»¹⁶. Собрания у постели больного не прекращались до тех пор, пока ему не становилось лучше. Таким образом, посещение больного и его развлечение также представляли собой своеобразную форму совместного проведения досуга различными половозрастными группами осетинских крестьян.

Неотъемлемой частью традиционной осетинской культуры были многочисленные народные праздники (*барагбонта*), которые подразделялись на общесетинские; местные, отмечавшиеся тем или иным селением; семейные¹⁷.

Народные праздники¹⁸, игравшие важную роль в общественной жизни осетин, были одной из форм коллективного проведения досуга. При этом мы исходим из традиционного определения праздника как свободного от работы времени, периодически воспроизводимого в жизни общества и заполненного специфическими обрядами и ритуалами¹⁹. Сущность праздника как развлечения, по справедливому замечанию Е. В. Аничкова, обнаруживается тогда, «когда праздник уже утрачивает свое социально-бытовое назначение. Тогда внимание сосредотачивается на нем самом..., на его собственном веселье и на его собственных признаках. Праздник переходит из „общего сознания“ в „сознание личное“, освободившееся от жизненных хозяйственных забот»²⁰. К этому следует добавить, что народный праздник превращается в общественную форму времяпрепровождения, отдыха и развлечения в тем большей степени, чем больше он освобождается от той религиозной оболочки, в которой он первоначально возник. Со временем различного рода обряды во многом утратили свой первоначальный религиозный смысл и выполнялись лишь по традиции. Именно в таком виде существовали осетинские народные праздники в рассматриваемый нами период.

Праздники осетин, как и других народов, являлись важнейшим средством удовлетворения духовных потребностей трудящихся масс, одним из наиболее ярких проявлений их самобытной культуры. Они были прежде всего коллективным отдыхом от работы, сопровождавшимся застольем и различными развлечениями.

Важнейшим составным элементом осетинских праздников был общественный пир (*кувд*), который начинался с обряда жертвоприношения (*нывонд*). Празднества проводились, как правило, у святилищ (*дзуар*), находившихся недалеко от селений, длились обычно по несколько дней и проходили очень весело. Их сопровождали скачки, различные спортивные состязания, танцы молодежи, выступления народных певцов-сказителей.

Вызванные к жизни определенными социально-экономическими условиями, осетинские праздники и различные торжества (общесельские, семейные), а также рассмотренные выше формы проведения досуга бы-

¹⁶ Хетагуров К. Указ. раб., с. 359—360.

¹⁷ См. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. I. М., 1882, с. 262.

¹⁸ Обрядовая сторона осетинских праздников нашла широкое освещение в работах дореволюционных и советских этнографов. См. например: Миллер В. Ф. Указ. раб.; Кожиев С. Указ. раб.; Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 1968; Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1971; Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Ч. I. Тбилиси: Мецниереба, 1974; Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирystон, 1976.

¹⁹ См. Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. В. I. М., 1837, с. 5.

²⁰ Аничков Е. В. Весенняя обрядная песня на Западе и у славян. Ч. II. Спб., 1905, с. 338.

ли не просто антитезой будней, а несли в себе в первую очередь основу того, что Ф. Энгельс называл «культурными формами общения», которые в конечном итоге являются показателем социально-культурного развития общества²¹.

Непременной частью всех осетинских торжеств и праздников были скачки (*дугъ*), собиравшие, особенно когда на них присутствовали элементы джигитовки (*бахыл хъазт*), множество участников и еще больше зрителей. Это была самая популярная и приятная форма времяпрепровождения осетинского крестьянства (особенно мужской его части) в праздничные дни. Вот как описывала скачки газета «Терские ведомости»: «В ожидании начала скачек молодые люди танцуют, люди среднего возраста шумят и спорят, пожилые люди с увлечением говорят торжественные речи — вот характерные особенности убивания досуга в Осетии всеми, кто не придумал для себя иного способа утилизировать свободные часы»²². Завершались скачки награждением победителей и застольем, сопровождаемым пением мужчин и танцами молодежи. Все победители получали заранее назначенные призы. Но особенно ценилась слава хорошего наездника, которая давала победителю возможность участвовать в скачках, проводимых соседними народами — кабардинцами, ингушами, балкарцами.

Столь же обязательной частью традиционного досуга осетинских крестьян было исполнение различных сказаний, преданий и сказок, «которые для народа, не имевшего в прошлом письменности и письменной истории, — указывает В. И. Абаев, — заменяли все: и литературу, и историю, и школу, житейскую мудрость»²³. В этнографической литературе прошлого имеются сведения о специальных вечерах и даже праздниках, которые проводились в рассказах преданий, сказаний (центральное место занимал цикл сказаний о легендарных предках осетин — нартах), в пении и игре на музыкальных инструментах.

Рассмотренные нами выше формы проведения досуга в основном были характерны для быта мужчин, который в ряде проявлений отличался от быта женщин. Например, осетинский обычай запрещал женщине присутствовать на нихасе. Не были для них местом отдыха и кунацкие (уазагдонта) — по преимуществу «мужские клубы». Однако когда возникла необходимость развлечь приехавшего гостя, то в кунацкую собирали молодежь, в том числе девушек, для исполнения песен и танцев. Девушки участвовали также в празднествах и посещали больных. Что касается обычая взаимопомощи, то в осетинском быту были известны специальные женские зиу: женщины собирались для выполнения работ, требующих коллективных усилий, — мытье, расчесывание и прядение шерсти, валяние войлока, обматка жилищ глиной и т. п. Такие встречи женщин давали им возможность общения и позволяли в какой-то мере отдохнуть от тяжких повседневных дел. Во время коллективной работы беседовали, а иногда пели песни. Конечно, подобную форму общения нельзя целиком считать досугом, однако некоторые его элементы в женском зиу, безусловно, имелись.

Известна такая форма досуга, как женские посиделки (*сылгоймаг бадан*). Вечерами, обычно в выходные дни, женщины собирались в чьем-либо доме, согласно установленной очередности (иногда постоянно в одном и том же), где и проводили время за беседой, различными развлечениями и совместной трапезой²⁴.

Некоторые различия в формах проведения досуга наблюдались также в возрастных группах. Молодежь имела больше свободного времени, чем старшее поколение, и формы проведения досуга у нее были более разнообразны. Особенно любила молодежь танцы (*кафт*). О большой

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 18, с. 216.

²² Н. С. В Осетии (на скачках в Ардоне). — Терские ведомости, 1894, № 49.

²³ Абаев В. И. Нартовский эпос. — Изв. Северо-Осетинского НИИ. Т. 10. В. 1. Дзауджикау: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1945, с. 10.

²⁴ См., напр.: Кокиев С. Указ. раб., с. 86; Цаллагов А. Селение Гизель (или Кизилка) Терской области. — В кн.: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. 16. Тифлис, с. 9. Марков Е. Очерки Кавказа. Спб. — М., 1913, с. 165.

популярности танцев у осетинской молодежи говорят многие литературные и полевые этнографические материалы. «Осетинская молодежь, — писал один из корреспондентов газеты „Терские ведомости“, — по обыкновению, затеяла танцы. Говорю по обыкновению, потому что, когда бы и где бы эта молодежь не сошлась, она придирается к первому случаю и танцует»²⁵. В каждом осетинском селении было место, где молодежь устраивала вечером танцы под аккомпанемент осетинской гармоникки.

В осеннее и зимнее время молодые люди с этой целью собирались в чьей-либо просторной кунацкой. Девушки должны были приходиться на танцы в сопровождении близких родственников — молодых людей, или им покровительствовали старшие подружки. Часто на танцах, подзадоривая танцующую молодежь, присутствовали люди пожилого и старого возраста; старики иногда позволяли себе станцевать один-два танца с девушками. «Обычай позволяет в это время (во время праздников. — А. Д.), — писал Дж. Шанаев, — девушкам нарушать свою затворническую жизнь и своим участием оживлять увеселения; но это позволяется девушкам, но никак не женщинам»²⁶.

Устраивались танцы и на девичьих посиделках (*чызгон бадан*), которые были одним из самых любимых времяпрепровождений осетинских девушек. На эти посиделки собирались подружки, а иногда и все девушки квартала или селения. Обычно это происходило в длинные осенние и зимние вечера у одной из девушек или же у какой-либо одинокой женщины. На посиделках девушки занимались рукоделием, пели, делились новостями, устраивали танцы. Нередко сюда приглашались старые и пожилые женщины для гадания (*дасныфарсын*) и чародейства (*калан*); иногда девушки гадали сами. Бывало, что на девичьи посиделки приглашали молодых неженатых мужчин, что превращало посиделки в своеобразные вечеринки с танцами (*гастизар*), проходившие при обязательном присутствии старших женщин.

Аналогичную девичьим посиделкам роль выполняли групповые посещения засватанной девушки, пока она еще жила в доме своих родителей. В этот период девушки часто собирались у невесты не только с целью развлечения, но и помогали приготовить свадебные подарки родственникам ее будущего мужа. Распространенной формой проведения досуга осетинских девушек, а отчасти и молодых женщин, было также хождение в гости, особенно к предполагаемым невесткам своей фамилии, а также посещение роженицы или больной.

Специфические формы проведения досуга имелись и у осетинской мужской молодежи. Активное участие принимали юноши в различного рода зиу. Так, бывало, например, при строительстве дома для товарища, решившего жениться, при очистке земельных участков от камней, рубке и доставке леса и т. п. Эти молодежные зиу, так же как и общесельские, проходили очень весело и заканчивались всегда танцами, этим любимым развлечением осетинской молодежи.

В свободное время молодые люди собирались в определенном месте: в хорошую погоду — где-нибудь на окраине села или у кузницы, а в непогоду — в кунацкой. Особую роль кунацкой в жизни осетинской молодежи хорошо описал С. Кокиев: «В жизни холостой молодежи она (кунацкая — А. Д.) играет весьма важную роль: как только она свободна, сюда собирается молодежь, здесь происходят все интимные разговоры, невинные забавы»²⁷. Собираясь у кузницы, молодежь не только помогала кузнецу в его работе, но и устраивала различные игры, состязания в силе и ловкости. Вообще состязания в национальных видах спорта, проводившиеся на нихасе, у кузницы, а иногда и на специально устроенных для этого местах (своеобразных спортивных площадках), были непременным элементом досуга осетинской молодежи и подростков. Большое число участников и зрителей собирали состязания в борьбе (*хъабысай хацын*), поднятии тяжестей (*уаз исын*), перетягивании кана-

²⁵ Н. С. Указ. раб.

²⁶ Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин. — ССКГ. В. 4. Тифлис, 1870, с. 2.

²⁷ Кокиев С. Указ. раб., с. 78.

та (*бандан ивазын*) и других национальных играх²⁸. Молодежь была и главным участником любимых осетинами скачек. Судили эти состязания обычно почтенные старики, хорошо знавшие все правила и бывшие некогда известными в селениях силачами, наездниками и т. п. Молодежи часто приходилось защищать свою спортивную честь не только на сельских и общешельских праздниках, но и на общесетинских торжествах, во время которых проводилось нечто «вроде олимпийских игр»²⁹.

В заключение следует отметить, что формы проведения досуга в общественном быту осетинского крестьянства в дореволюционный период не отличались особым разнообразием. Определенная дифференциация в этой сфере наблюдалась лишь применительно к разным половозрастным группам — формы проведения досуга у осетинской мужской молодежи были более разнообразными.

Досуг осетинского крестьянства в дореволюционный период имел и важные социальные функции. Это был не просто отдых. Встречи на ныхасе, в кунацкой, во дворах правлений, мечетей и т. п. способствовали активному взаимобмену различной информацией, опытом и знаниями. Указанные формы коллективного общения, способствуя передаче социального опыта последующим поколениям, играли важную роль в воспитании молодежи и усвоении ею кодекса осетинских обычаев (*ирон агьдаутта*).

Такие формы проведения досуга, важным элементом которых были пение и сказания стариков-сказителей, играли большую роль в сохранении и передаче устного народного творчества осетин. Многие из рассмотренных нами форм проведения досуга — участие в скачках, в состязаниях по национальным видам спорта и т. п. — выполняли важную задачу физического воспитания, которому в осетинском быту всегда придавалось большое значение.

Нельзя не отметить также, что формы досуга, характерные для общественного быта осетинского крестьянства к началу XX в., сохраняли традиционные черты. Это во многом способствовало сплочению сельской общины, регламентировавшей все стороны общественной жизни осетин.

²⁸ См. Гагиев С. Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе: Ир, 1980.

²⁹ Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии. — В кн.: Сб. сведений о Кавказе. В. 1. Тифлис, 1871, с. 142.

Н. В. Лукина, Л. М. Плетнева

МУЗЕЙ И СТУДЕНТ

**(к 100-летию Музея археологии и этнографии
Сибири Томского университета)**

Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета был основан в 1882 г.¹ Его история отражена в архивных материалах, хронике², газетных и журнальных заметках и статьях разных лет. В основание фондов музея легли коллекции Тобольских древностей художника М. С. Знаменского, а также этнографические экспонаты главным образом по русскому населению, пожертвованные музеем В. М. Флоринским³. Из последующих поступлений наиболее крупными являются коллекции по североамериканским индейцам И. П. Кузнецова,

¹ В момент основания музей назывался «Археологический музей Томского университета».

² В 1923 г. была начата хроника музея. В ней отражены основные события, связанные с деятельностью музея до 1934 г.

³ См. Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1. Томск: Изд-во гос. ун-та, 1979.